

Проявление мировоззренческих противоречий консерватизма и либерализма в подходах к оценке Великой Отечественной войны

М. С. Кальней

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Проводится анализ сложившегося противостояния из-за попыток пересмотра итогов Великой Отечественной войны. Помимо геополитических аспектов здесь также прослеживается мировоззренческое противоборство либерализма и консерватизма. Утверждается, что для консервативного мировоззрения существенную ценность представляют сохранение культурно-исторической традиции и подчинение частных интересов общим, тогда как для либерального характерны тотальное отрицание традиции и выдвижение интересов меньшинств в качестве базовой ценности.

Ключевые слова: фашизм; либерализм; консерватизм; мировоззрение; тоталитаризм; государство.

Одним из актуальных предметов обсуждения последнего времени стал вопрос о переосмыслении итогов Великой Отечественной войны. Вновь обострились противоречия в оценке исторической роли стран — участниц антигитлеровской коалиции, вклада СССР в победу над фашизмом, самой трактовке фашизма, что обуславливает необходимость обратиться к анализу понимания этой идеологии в современном массовом сознании.

Общеизвестно, что фашизм в качестве антитезы либерально-рыночному обществу выдвигал регулируемое государством экономику в сочетании с колониальной системой, где господствовали бы феодальные, если не рабовладельческие отношения. Главными характеристиками фашизма считаются приоритет государства и концепция нации как высшей реальности, основанной на общности крови. Отсюда следуют антидемократизм и мистический вождизм в качестве альтернативы демократии. На практике это закономерно приводит к культуре тоталитарного государства и социальному

насилию, а в межнациональных отношениях — к расизму, служащему основанием для порабощения «низших» народов и их геноцида.

Осмысление фашизма в послевоенный период часто приводило к его определению как формы либо империализма (при этом акцент ставился на связи фашизма с интересами монополистического капитала), либо тоталитаризма, с акцентом на сходстве двух тоталитарных государств и учений: коммунизма и фашизма. Именно последняя точка зрения доминирует в массовом сознании со времен распада советской системы, что и привело к пересмотру итогов Второй мировой войны.

Начался этот процесс с преуменьшения роли СССР в борьбе с фашизмом. Затем сместился акцент в исследованиях фашизма: единственным отличием социализма в СССР от национал-социализма в Германии стали называть признак выделения той группы избранных, для которой реализуется социальный идеал: в первом случае — классовый, во втором — расовый. В последние же

годы возрастание национального самосознания воспринимается как рост имперских амбиций, отождествляемый в либеральном сознании с фашизмом. При этом носители такого сознания игнорируют проявления не только агрессивного национализма в ряде бывших советских республик, но и социал-дарвинистских тенденций в самом либерализме. Таким образом, изменился аксиологический аспект в восприятии фашизма, что и требует анализа содержания данной теории.

Русский философ Н. А. Бердяев в работе «Судьба человека в современном мире», впервые опубликованной в 1934 г., выделил ряд различий между итальянским фашизмом и германским национал-социализмом. В отношении последнего (в силу своей исторической судьбы отождествляемого с фашизмом) философ отмечал его связь с символом, мифом о расе как высшем существе и духовной ценности [1, с. 507], подчеркнув в тот исторический момент такие стороны фашизма, как критика формальной политической демократии, стремление к созданию реального, корпоративного представительства, преодоление борьбы партий, необходимость сильной власти для социального реформирования и противопоставление действиям, отраженным в фиктивной партийной и парламентской сферах, прямых реальных действий, связанных с народной жизнью [1, с. 507—508].

Однако ключевая идея фашизма — идея расы — приводит, как констатировал Бердяев, к замене духовно-персоналистического понимания человека натуралистически-зоологическим. Идеализация, превращение в своеобразную мистику зоологических инстинктов в сочетании с современной техникой ведет не к проявлению естественной жизни, а к возникновению плановой, дегуманизированной технической цивилизации [1, с. 518], в которой первоначальная

идея прямого народного представительства закономерно вытесняется созданием бюрократизированной системы тоталитарного контроля и уничтожения.

Расизм как основная идея фашизма, по мнению Бердяева, есть «еще более грубая форма материализма, чем материализм экономический, ибо социальное принадлежит психическому миру и менее материалистично, чем биологическое, зоологическое» [1, с. 525]. Отсюда следует полное подавление свободы личности, усиленное тем, что, как указывал Бердяев, национализм и расизм, лишённые государственной силы, остаются простым эмоциональным состоянием. Воля к могуществу, противопоставляемая воле к истине, ведет к пренебрежению культурой, которую русский философ считал одним из необходимых условий свободы личности [1, с. 527]. В этом контексте фашизм определяется как реакционная утопия, ставящая целью возврат к доиндустриальным общественным отношениям (скорее — к искаженным представлениям о них), а абсолютизация биологического позволяет выделять и возврат к доцивилизационному началу.

С точки зрения немецкого социолога К. Манхейма, фашистское учение делает акцент на апофеозе непосредственного действия, вере в решающий акт, в значение инициативы руководящей элиты. Сущность политики оно полагает в том, чтобы действовать, понять веление момента. Решающую роль в истории фашизм приписывает не массам, не идеям, не объективно действующим незаметно от наблюдателей силам, а утверждающим свою мощь элитам [2, с. 116]. Манхейм считал: «Для подобного типа мышления и переживания характерно также представление, что история распадается на мгновенно сменяющиеся ситуации, причем решающими здесь являются два обстоятельства: во-первых, вдохновенный порыв

выдающегося вождя передовых групп (элит); во-вторых, обладание единственно возможным знанием — знанием массовой психологии и техникой манипулирования ею» [2, с. 119]. Здесь выделен такой характерный для утопии любого рода аспект, как признание за группой избранных по тому или иному (религиозному, расовому или социальному) признаку неподконтрольности большинству и права на глобальные манипуляции в целях достижения социального идеала.

Американский политолог Ф. Фукуяма в работе «Конец истории и последний человек» отмечает, что в фашистском ультранационализме источником легитимности являлась раса или нация в виде права «расы господ» на общемировое владычество. Правом на власть считались сила и воля, превознесенные над рассудком и равенством. Этому утверждению о расовом превосходстве немцев следовало быть доказанным в военном конфликте со всеми прочими культурами. Внутренние противоречия фашизма Фукуяма сводит к ориентации на милитаризм, ведущей к неизбежному конфликту с международным сообществом [3, с. 49]. Иными словами, единственным недостатком он считает неудачно выбранную практику реализации утопии. С этим в значительной степени связаны оправдание создания сильного государства для избранного этноса, с одной стороны, и отождествление с фашизмом роста национального самосознания и приоритета национальных традиций над общечеловеческими принципами, с другой.

Помимо того, что на каждом из указанных признаков делается акцент в зависимости от политических (и геополитических) интересов, особого внимания заслуживает связь расхождения в понимании итогов Великой Отечественной войны с противостоянием двух мировоззрений: консервативного

и либерального. Как известно, существенными характеристиками консерватизма являются признание приоритета коллектива над индивидом, восприятие сильного государства и национально-религиозной традиции как главных ценностей общества. Следует отметить, что все они в той или иной форме были присущи российскому сознанию на различных исторических этапах.

В фашизме можно было бы усмотреть крайнее, превращенное, доведенное до предела признание указанных ценностей, что и служит причиной возникающих в либеральном сознании фобий роста национального самосознания в России. Однако при этом упускается из виду существенная черта консерватизма: ориентация не на преобразование, а на сохранение. Один из основателей мир-системного анализа И. Валлерстайн отмечает, что консервативная идеология была первой, возникшей как непосредственная реакция на Великую Французскую революцию. В тот момент содержательной составляющей консерватизма была та или иная степень противостояния произошедшим социальным изменениям, их неприятия.

По мере исторического развития, продолжает этот же исследователь, консерватизм сближался с либерализмом. Со своей стороны, в том же направлении эволюционировал и социализм, что в итоге дало вместо «чистых» либерализма, консерватизма и социализма «консервативный либерализм» или «социал-либерализм» [3, с. 77, 87, 102]. Иными словами, возникнув как отрицание, консерватизм был позднее дополнен содержанием либерализма в качестве проективной составляющей (сближение социализма и либерализма, в свою очередь, было обусловлено движением двух противостоящих социальных слоев индустриального общества к компромиссу).

С точки зрения Манхейма, консерватизм — это «господствующая, инстинктивная, а подчас и теоретически обоснованная ориентация на имманентные бытию факторы... Смысл и действительность, долженствование и бытие здесь не разделены, так как утопическое начало, “конкретизированная идея” полностью присутствует в этом мире» [2, с. 194, 196]. В отношении ориентации на преобразования Манхейм заявляет: «Консервативное переживание погрузило дух, который раньше нисходил на нас и говорил в нас, в то, что уже существует, объективировало его, распространило его на все измерения и придало этим каждому событию имманентную внутреннюю ценность» [2, с. 198].

Иными словами, основная цель консервативного мировоззрения — решение текущих социальных проблем, а не глобальное преобразование общества. Ориентация на подобное коренное переустройство — одна из существенных характеристик утопического сознания. Само это свойство с неизбежностью предполагает восприятие группы сторонников утопии как избранной, находящейся вне норм отрицаемого ими общества. Консерватизм, в свою очередь, также считает общественное расслоение и иерархию неизбежными, однако отсутствие утопической составляющей ставит под сомнение возможность самовосприятия сторонников исторической традиции как группы избранных.

Не вызывает сомнений то, что кризисные ситуации в обществе способны спровоцировать вырождение консерватизма как признания ценности коллективизма, иерархии, сильного государства и национальной традиции в этнонационализм. Как правило, одним из средств предотвращения этого считается обращение к либеральной идеологии, ставящей интересы индивида выше коллективных. Именно такая

система ценностей и доминирует в западном массовом сознании, в противоположность российскому.

Основоположник философской концепции критического рационализма К. Поппер противопоставляет закрытое, коллективистское общество открытому, «в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения» [5, с. 174]. Необходимым условием открытого общества он считает не только отказ от «историцистских» схем, т. е. от выявления исторической закономерности и подчинения всей деятельности общества достижению обусловленных данной закономерностью целей, — не менее важно обеспечение демократии как системы гражданского контроля над деятельностью политических институтов [5, с. 30—32, 130].

Еще одной существенной основой индивидуалистического общества традиционно считается механизм рыночной конкуренции. Представитель новой австрийской школы Ф. Хайек в работе «Дорога к рабству» называет «сильнейшим аргументом в пользу конкуренции то, что она позволяет обойтись без “сознательного общественного контроля” и дает индивиду шанс самому принимать решения, взвешивая успех и неудачу того или иного предприятия» [6, с. 59]. Сложилось устойчивое восприятие либеральной демократии в качестве сочетания рыночной конкуренции и демократии как всеобщего права граждан на участие в политическом управлении. Этот механизм противопоставляется утопии, подчиняющей всю деятельность общества достижению единого идеала и вследствие этого тяготеющей к коллективизму и тоталитаризму.

Таким образом, подлинно свободным представлялось общество, основанное на рыночной конкуренции и политической демократии, а любое отступление от этих основ расценивалось как посягательство на свободу.

Причем одним из необходимых условий создания такого общества считалось освобождение индивида от любых конструктов, ограничивающих его свободу. Однако признание индивида свободным контрагентом, имеющим право вступать в любые отношения с любым другим индивидом или сообществом, предполагает отсутствие первоначальной его идентификации с тем или иным сообществом.

Как пишет А. С. Панарин: «В глобальную эпоху действует закон максимализации рыночной прибыли, связанной с отменой любых социальных ограничений и моральных обязательств» [7, с. 103]. Соответственно, возникает необходимость в создании безальтернативного рынка труда, чтобы получить индивида — объект глобального манипулирования, давления, произвольного перемещения в зависимости от нужд глобального капитала. Для достижения этих целей необходимо ограничить или нейтрализовать механизмы взаимной социальной поддержки. Такого рода механизмами являются семья и церковь. Кроме того, социальная поддержка основывается на чувстве этнической и культурной общности, что также делает национально-культурную традицию объектом жесточайшей критики со стороны радикального реформизма. Его нелояльность по отношению к государству и его институтам во многом связана с развитием социального государства, в частности с той или иной формой социальной поддержки, изначально входившей в его функции.

Следовательно, обратной стороной свободы личности от обязательств перед обществом является деконструкция механизмов социальной поддержки, с тем чтобы освободить личность от всех возможных видов идентичности: этнической, культурно-исторической и религиозной (а ряд социальных тенденций указывает на то, что неолиберальная

идеология ставит под сомнение и такие виды идентичности, как кровнородственная и гендерная).

Консервативное мировоззрение, напротив, предполагает безусловно положительную оценку основных культурно-исторических ценностей общества, его основных социальных институтов (таких как семья и политические институты), включая религию как часть культурной традиции и один из основных институтов данного общества. У неолиберального мировоззрения иной приоритет — главенство инновации над традицией и особое внимание к правам и интересам меньшинств. Следует отметить, что фактическое признание того или иного меньшинства привилегированным, защищаемым господствующей идеологией от любой критики содержит в себе риск самовосприятия отдельной социальной группы как избранной.

В последнее время носители отечественного либерального сознания противопоставляют себя большинству российского населения. Сторонники идеологии, провозглашающей равенство, по сути утверждают неравенство по имущественному, социокультурному и идеологическому признакам. Это парадоксально само по себе и в контексте акцента на равенстве сограждан в западной либеральной идеологии.

Общеизвестно, что идеал политкорректности ставит целью устранение всех видов неравенства, в том числе природного. Вместе с тем призыв к равноправию тех или иных социальных групп фактически превращается в требование для них привилегированного положения. При этом неолиберальная идеология обосновывает равенство (по существу — привилегии) маргинальных, часто девиантных социальных групп не столько соображениями экономической эффективности, сколько указанием на прошлую дискриминацию этих групп. В российском общественном

сознании выделение социальной группы как элитарной в действительности связано не столько с ее экономической эффективностью, сколько с утверждением ее морального, интеллектуального и культурного превосходства. Иными словами, на первый план выступают духовно-идеологические обоснования привилегированного положения.

В Средние века власть аристократии базировалась на духовно-теологических основаниях, а также на военном превосходстве. Понимание социал-дарвинизма как «права сильного» позволяет провести аналогии с обоснованием аристократического господства феодальной эпохи. Общеизвестно, что социал-дарвинизм был одним из теоретических источников фашистской идеологии и противопоставлял демократическим механизмам теорию элит, манипулирующих массами.

Таким образом, стремление к переоценке итогов Великой Отечественной войны не сводится только к пересмотру сложившейся геополитической системы, в нем также просматривается конфликт двух мировоззрений: консервативного и неолиберального. С консервативных позиций, исторический опыт войны и победы в ней воспринимается как часть национальной идентичности и составляет одну из безусловных ценностей национального самосознания. Приверженцы неолиберальных взглядов отрицают исторический опыт и национальную

идентичность как нечто несущественное и нередко низводят до объекта постмодернистской иронии.

На наш взгляд, тенденции, делающие неолиберальную идеологию превращенным пониманием свободы, дошедшим до своего предела и переходящим в свою противоположность, заслуживают особого внимания, поскольку дают носителям этой идеологии основу для восприятия себя как группы избранных, занимающих привилегированное положение над массой и имеющих безусловное право глобальных манипуляций над ней без учета ее интересов. Нет оснований предполагать, что идеологический расизм будет менее опасен, чем биологический или социальный.

Литература

1. **Бердяев Н. А.** Русская идея: Сб. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 832 с.
2. **Манхейм К.** Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с. (Лики культуры).
3. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005. 588 с. (Philosophy).
4. **Валлерстайн И.** После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 253 с.: портр.
5. **Поппер К.** Открытое общество и его враги. Т. 1—2. Киев: Ника-Центр, 2005. 800 с. (Сдвиг парадигмы).
6. **Хайек Ф.** Дорога к рабству. М.: Фонд «Либер. миссия»: Новое издательство, 2005. 264 с. (Б-ка фонда «Либеральная миссия»).
7. **Панарин А. С.** Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с. (Философский бестселлер).

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. **E-mail:** skalney@yandex.ru